

ИНАКОВОСТЬ ДРУГОГО В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: СУБЪЕКТИВНОСТЬ, БЛИЗОСТЬ, УЯЗВИМОСТЬ

Екатерина Янчевская¹

Abstract

The paper is devoted to the notion of the Other in the context of proximity and alterity interpreted by E. Levinas in his work *Otherwise than Being or Beyond Essence*. The Other is regarded as a neighbor (*le prochain*) in relations *one-for-the-other*. The neighbor who is completely different from me. This mode of relations, when I am responsible for mistakes of others as a passive hostage (*l'otage*) without common presence and reciprocity – provokes a «latent birth of subject». Levinas reopens an embodied subjectivity, where proximity as subjectivity is realized not on the surface of consciousness and representation but «situated» in significance of vulnerability and suffering. The human subject is not reduced to the self-consciousness and the necessity of thematization; the meaning of the approach is not placed in the manifestation of Being but in extra-ordinary and ec-centric *Otherwise than Being*.

Keywords: Other, subjectivity, proximity, responsibility, alterity, vulnerability, Levinas.

Вне заранее сознательно предопределённых рамок альтруизма и эгоизма, вне фиксированной системы знания и репрезентаций, Эммануэль Левинас в работе *Иначе, чем быть, или По ту сторону сущности* анализирует отношения одного для-иного (*l'un-pour-l'autre*), где *один* и *иной* не являются нейтральными понятиями, но становятся беспокойной линией сердцебиения, линией непрекращающейся связи меня и другого. Даже отказываясь от другого, от его травмирующей инаковости, мы не в состоянии освободить себя от вопроса об ином в «собственной» жизни и нивелировать чувства, связанные с необходимостью возобновления этого вопрошания и возможным бегством от подобного рода бесконечных вопросов. Встреча, а точнее, «столкновение» с другим в-мире неизбежно провоцирует предчувствие несовпадений, шероховатостей, разрывов. Чувство приближения и отдаления, чужого и близкого неотступно преследует нас в повседневности. Другой, не-я, отличный от меня, иной. Появление другого в отдельных случаях может быть предупреждено,

¹ Екатерина Янчевская – магистр социологии, докторантка Европейского гуманитарного университета по научному направлению «Философия» (г. Вильнюс, Литва).

вычислено, заранее осмыслено и осознано, но его близость оказывается *внезапной*, непредсказуемой, странной, беспокоящей меня. Вопреки прогнозируемости и размеренности, другой способен нарушить заданный ранее порядок течения жизни, создать тот уровень беспорядка, где я «выхожу из себя», теряю себя. Внезапность другого не позволяет мне «прийти в себя», обнаруживая мою уязвимость, ранимость и незащищённость. Заботясь о понимании Другого, велико искушение остаться в «рамках» осмысленного действия, согласованности и синтеза всех «исходных данных», что «предполагает оценку и сравнение того, что в принципе не подлежит сравнению, поскольку каждое бытие уникально»².

В работе *Иначе, чем быть...* Левинас намечает перспективу обнаружения инаковости Другого в контексте размыкания онтологических границ бытия и ничто, реализуя «практический поворот» к *иначе, чем быть*, к точке разрыва, но также точке завязывания³ «конфликта интерпретаций» посредством обнаружения Другого как ближнего в радикальном отличии от меня, от того же самого, вне абстрактных концептов и вне «изящной словесности». Я (*Moi*), не находящее крова и укрытия в бытии, оказывается в *ином* пространстве завязывания интриги ответственности, близости и субъективности вне согласованности времён, в диахронии, в отказе от совпадения.

«Вся моя интимность инвестируется против-моей-воли – для-иного. Несмотря на меня, для-иного – вот значение по преимуществу, и смысл себя самого (*soi-même*), *se* – аккузатива, не происходящего от какого-либо именительного, – сам факт себя нахождения, теряя себя».⁴

Размышление о ближнем, *сознание о...* предполагают дистанцию, которая аннулирует опасность и риск быть отвергнутым, неправильно понятым, обвинённым. В такой дистанцированный опыт общения с ближним *риск* вкрадывается скорее как игра, оставляя травмирующее беспокойство на безопасном расстоянии. Однако нетематизируемое, неосмысленное заранее приближение иного может оказаться травмирующим, провоцирующим чувство непреодолимого разрыва между мной и другим. Этот разрыв не заполняется и не заменяется языком, пластичностью формы, репрезентацией, видимостью начала и завершения. Это разрыв – вне определённой указывающей точки, вне обозначенного места, вне репрезентируемой истории и памяти. Между мной и иным нет общего, тотально объединяющего и в то же время нивелирующего инаковость, пространства. В такого рода приближении завязывается интрига отношения (а вернее, контакта) меня и иного. Комму-

² Левинас Э. 'Философия, справедливость и любовь'. В: Левинас Э. *Тотальность и Бесконечное*, Москва: Modern, 2013, 356.

³ Levinas E. *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence*, Kluwer Academic: Martinus Nijhoff, 1978, 27.

⁴ Levinas, op. cit., 26.

никация с ближним осуществляется не на уровне лингвистических систем, но на уровне *Сказывания (le Dire)* как *ответственности* и как *близости (la proximité)*, как *самой значимости сигнификации (la signifiante de la signification)*. Сказывание не скрывается и не защищается в сказанном (*le dit*), но дарит чувствительность кожи, нервов, облекая всё это в смысл.

«Это обнажение по ту сторону обнажённости, по ту сторону формы не есть более факт негации и не принадлежит более порядку бытия. Ответственность по ту сторону бытия. В искренности, откровенности, в правдивости этого Сказывания – в открытии страдания – бытие отчуждается».⁵

У Левинаса Другой – это ближний (*le prochain*), но в то же время радикально отличный от меня. Левинас называет obsессией такое отношение к ближнему, не сводимое к интенциональной активности, отношение, которое точно не *является* в настоящем. Obsессия как отношение с экстериорностью, предшествующей акту, который открыл бы её, разрушает тематизацию, выводит её из равновесия, ускользая от начала, воли, архе. Это движение ан-архично. Я предписан другому вне моего желания, ответствен за него и призван искупить его ошибки. Ответственность за других, отношение с не-мной предшествуют всякому отношению *Moi* с ним самим. *Moi* или *Je* как идентичность, «принадлежащая» концептам сознания, не-отношение, рефлексия без *выхода* к иному, в качестве лишённого империализма *moi*. Трагедия идентичность в терминах не активной репрезентации, но пассивности, мы «открываем» ближнего не на поверхности логоса, но посредством пред-начальной и предлогической, неустойчивой грамматикой сознания ответственности. У меня с ближним нет общего настоящего, нет тематизирующего соединения, совпадения и взаимности. В данном контексте «субъект описывается исходя из пассивности времени»⁶. Субъективность «завязывается» по ту сторону взаимных отношений меня и другого, в несовпадении, диахронии. Отношения близости включены в событие экстра-ординарное и повседневное моей ответственности за ошибки и несчастья других. Важно, что ответственность за другого не начинается с моего сознательного решения, с моего согласия, она осуществляется в порядке ан-архичного, внепамятного, по эту и по ту сторону сущности. Ответственность за другого есть место, где размещается не-место субъективности. В ответственности мы отвечаем ближнему прежде всякого вопроса, прежде всякого понимания смысла просьбы. Открытие ближнего, движение к ближнему сопряжено с «выходом» из поля тематизации, разрушением бытийного порядка. Парадокс ответственности предшествует порядку сознания. Ответственность может быть воспринята как сама субъективность субъекта, как несение

⁵ Levinas, op. cit., 31.

⁶ Ibid., 90.

бремени без возможного уклонения от этого бремени. Именно в таком пространстве *ответственности/субституции/сигнификации* моя уникальность обретает смысл, так как *субституция* (и, соответственно, близость, сказывание, разделение) другим не подразумевает исчезновение меня и смешение с ничто.⁷

Субъективность «содержится» в невозможности скрыться от ответственности, от принятия ответственности за иного, так как никто не может заменить меня в данном «служении без рабства». Необходимо заметить, что в этом случае я не есть «транс-субстанция, превращающаяся из одной субстанции в другую, я не прячу себя в иной идентичности, я не покоюсь в новом аватаре»⁸. В этой связи важен вопрос о восхождении субъективности как сигнификации (*сигнификация как один-для-иного в ответственности*) к не-концептуализируемой *чувствительности, уязвимости* меня. Сигнификация *до* значимости знака, *до* бытия, *до* идентичности раскалывает сосредоточение или настоящее сущности. В разрыве идентичности и «находится» субъективность субъекта, во многом определяемая посредством его подчинения другому в небезразличии различия. Таким образом, субъективность – место и не-место этого разрыва – свершается как пассивность более пассивная, чем вся пассивность.⁹ Эта пассивность осуществляется как уязвимость, в *травматизме обвинения*, в ситуации заложника, в субституции другим – «субъект-заложник»¹⁰. Ответственность не является собственностью сознания, но возможна благодаря телесности в её чувствительности и уязвимости. Тело в этом случае не противопоставлено душе и не представлено как окружающие меня стены-преграды, которые необходимо преодолеть, чтобы выйти к истине, но тело как предельная пассивность «воплощённости» и способности к болезни, страданию, наслаждению, а значит, способности претерпевать и отдавать.

Речь идёт не о силе, господстве, преимуществе я над другим, но о слабости, когда я «располагаюсь» в себе как «след своего изгнания», как иное в своей коже. Я вовлечён в сигнификацию приближения не посредством собирания тотального ядра целостности, но через разрывы идентичности, разрозненность инаковости в себе самом. Как отмечает Левинас,

«способность бытия – и сознания как его коррелята – недостаточна, чтобы содержать интригу, которая завязывается в лице Другого, следе вне-памятного прошлого, порождающего ответственность...»¹¹.

Моя экспозиция ближнему предшествует появлению иного, «происходит» во вне-памятном прошлом, которое никогда не было настоящим, и в этом смысле лицо (как способ «проявления»

⁷ Levinas, op. cit., 29.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., 30.

¹⁰ Ibid., 177.

¹¹ Ibid., 154.

ближнего) отмечено «слабостью» не-феноменальности. Лицо (*le visage*) не связано с настоящим, но ан-архично предшествует репрезентации в настоящем, и в определённом смысле лицо «слишком слабое», чтобы появиться и проявить себя как феномен. Лицо – не форма, но оставленность себя, дряхление, лицо в морщинах как след самого себя (*trace de soi-même*).¹²

Отношения с иным оказываются не отдельным, чётко маркированным сегментом жизни, к которому мы обращаемся время от времени, от случая к случаю, но эти отношения *всегда уже* тут, до моего сознательного решения и волеизъявления относительно присутствия *странного иного* в моей повседневности. Можно было бы обвинить такой характер отношений с иным в предзаданности и тотализации, когда «*всегда уже*» захватывает всё моё жизненное пространство, не оставляя права выбора. Однако ближний никогда «достаточно близок»¹³, Левинас напоминает нам о несовпадении, асимметрии в отношениях, о невзаимообратимости коммуникации. Допущение отказа в коммуникации, невзаимности делает моё отношение с инаковостью тем вопрошанием, на которое мы можем не получить ответа, однако обязаны ответить на просьбы другого, ещё не услышав о самой просьбе, даря ответ бескорыстно, вне рациональной заинтересованности быть правильно услышанными и понятыми. Моя современность и современность иного не совпадают, я обречён быть обвинённым в опоздании.

«Я могу наслаждаться и страдать через иного только потому, что я – есть-для-иного, потому что я есть сигнификация – потому что контакт кожи есть также и близость лица, ответственность, obsессия иным, быть одним-для-иного: само рождение сигнификации по ту сторону бытия».¹⁴

Так, близость как сказывание до языка, до логоса, как ответственность, контакт и искренность не осмыслена в *функции* бытия. Следовательно, субъективное не может быть понято исходя из онтологии. Левинас делает вывод, что сигнификация как сказывание, как чувствительность имеет не онтологическую структуру. Наоборот, начиная с субъективности Сказывания, смысл сказанного может быть проинтерпретирован. Через живую телесность человека – как возможность боли, как способность страдать в своей коже, как уязвимость, – эта пассивность-для-иного выражает смысл, куда не попадает ни одна референция, позитивная или негативная. Следовательно, субъект не описывается с позиции интенциональности репрезентативной активности, с позиции объективации, свободы и воли, но представляется как обнажённый и неимущий, высланный по эту сторону бытия, как тот, кому бытие не может быть атрибутировано. Один-для-иного – близость более серьёзная, нежели бытие или небытие.

¹² Levinas, op. cit., 141.

¹³ Ibid., 131.

¹⁴ Ibid., 144.

Таким образом, субъективность есть уязвимость, чувствительность; близость значит уязвимость. Моя экспозиция другому есть физическая боль сама по себе, так как подразумевает, что я могу быть эксплуатируемым – данная «эксплуатация» другим неизбежна так же, как неизбежны чувствительность и боль. Чувствительность как уязвимость, как боль, приходящая прекратить наслаждение в самом его уединении и таким способом оторвать меня от *Moi*. Как отмечает Левинас, чувствительность обретает смысл не в изящной словесности, но когда мы вырываем кусок хлеба из своего рта и отдаём этот хлеб другому, когда мы отдаём не излишек, но последнее, что имеем и что дарит нам самим наслаждение. Мы говорим о близости более тесной и более давней, чем пространственная смежность. Заметим, что знание о *вне* вещей располагается в близости, которая не является «опытом близости», ни репрезентацией пространственного соседства. Чувствительность – близость, внезапность и беспокойство – не конституируются, начиная с какой-либо апперцепции, располагающей сознание по отношению к телу. Чувствительный опыт тела не имеет подготовительного этапа. Он есть сейчас же *воплощённым*. Чувствительное как материнство, как уязвимость завязывает узел воплощения в интриге более обширной, чем апперцепция *soi*; это интрига, где я завязан в других до того, как быть завязанным в моём теле. Субъект из плоти и крови, сигнификация до настоящего инициативы, до осмысления, сигнификация, начиная с один-для-иного чувствительности, obsессия иным как *ответ на призыв, который ранит*. Obsессия как сама не-взаимность, которая не отставляет никакой возможности страдать вместе.¹⁵ Данное понятие субъективности не зависит от авантюры знания. Таким образом, *субъективность плоти и крови в материи – значимость чувствительности*, которая есть значимость пра-начальная, пра-онтологическое материнства, – та интрига, которая не подчиняется перипетиям репрезентации и знания, открытию в образах или обмену информацией.¹⁶ Заметим, что об ответственности, субъективности, близости Левинас говорит в контексте материнства. Именно в кормлении, одевании, укладывании спать, в способности накинуть пальто на плечи и отдать хлеб – в материнских отношениях сигнификация *значама*, то есть материя «показывается» в материальности. В экспозиции *ранению и обвинению* субъективность «действует» как воплощённая чувствительность, как уход без возвращения в себя, как материнство тела, страдающего за другого, тело как пассивность и чистое претерпевание (*pur subir*).¹⁷

Близость не есть состояние покоя, но – беспокойства, неуверенности, не-места. Вне места покоя и «никогда достаточно близок». Близость как «всё более близкая» становится субъектом, достигая своей превосходной степени как непередаваемое беспокойство,

¹⁵ Levinas, op. cit., 134.

¹⁶ Ibid., 126.

¹⁷ Ibid., 127.

становясь уникальной, *забывая о взаимности*, как в неразделённой любви. Этот излишек или недостаток меня выбрасывают *во вне объективности отношения*, ведь объективность отношения, состоящая на попечении сознания, аннулировала бы не-безразличие или братство (*fraternité*) близости. Безразличное, сознательное, тематизированное на уровне сказанного (*dit*), приближение разрушило бы это родство. *Речь идёт о субъективности более давней, нежели знание или сила*. Отказываясь от совпадения и синхронизации, близость «находит» себя в ласке и контакте Сказывания – кожи и лица. Субъективность есть как исключаящаяся из синтезов, но вовлекающаяся туда (напр. во взаимоотношения сказывания и сказанного) только через возвращение *воплощения (l'incarnation)*, и таким образом она есть сама по себе незаменима. Субъективность не предваряет близость, возможно, начиная с близости мы и оказываемся перед сложной проблемой воплощённой субъективности – субъекта. Как отмечает Э. Левинас, *сигнификация-один-для-иного-близость* не являются конфигурацией, продуцирующейся в душе.¹⁸ Чувствительность проинтерпретирована не как знание, сводимое к тематизации и форме, но как близость. Моё отношение с ближним – значимость, отличная от «придания смысла», это не безопасное отношение знания, где всё уравнивается, не безразличие пространственного пересечения.

Так, Другой как абсолютно внешний есть близкий до обсессии. Выставленный ранению и обвинению, преследуемый другим, я «содержусь» в себе только как след своего изгнания. Близость есть братство *до сущности и до смерти*, близость имеет смысл, несмотря на бытие и ничто, несмотря на концепт. Левинас пишет не об отказе от бытия, он не артикулирует язвительную насмешку над бытием, но обращает внимание на то, что «структуры» *близости-уязвимости-ответственности* за Другого являются пра-начальными, «дают о себе знать» до знания, до их явленности в моём сознании, до их осмысления как совпадающих друг с другом в настоящем. В отношении для-иного, в невозможности перепоручить эту ответственность, отказаться от усталости «слишком быть», Левинас видит субъективность, «латентное рождение субъекта». Рождение латентное, поскольку оно находится по эту сторону всякого начала, по эту сторону инициативы, по эту сторону обозначенного настоящего; это анахроничное рождение, предшествующее своему собственному настоящему, исключаящее настоящее совпадения с *soi*, поскольку это рождение – *в контакте (en contact)*, в чувствительности, в уязвимости, в экспозиции обвинению иным. Речь не идёт об экспозиции в открытом свете пространстве, где субъект ещё скрывает под пластичностью формы его «что касается себя» (*quant-à-soi*), фундирующее защиту и агрессию, речь идёт о субъекте, начинающемся в мире, во взаимности. Экспозиция предшествует инициативе, субъект не находит места даже в собственном

¹⁸ Levinas, op. cit., 137.

объёме, он открывается в пространстве, но не-есть-в-мире (*n'est-pas-au-monde*)¹⁹. Это одышка, содрогание субстанциональности, *ип* по эту сторону *Здесь (d'Ici)* – пассивность экспозиции, которая не приходит, чтобы обрести форму. Приближение ближнего есть расщепление субъекта, расщепление *soi*, пассивность более пассивная, чем пассивность материи.

«Открываться как пространство, освобождаться посредством дыхания от запертости в себе, уже предполагает это *по ту сторону (au-delà)*: ответственность за иного и моё вдохновение иным, возрастающее бремя – по-ту-сторонность – инаковости».²⁰

Один-для-иного до один-заложник-иного: в своей идентичности незаменимый позванный, без возвращения в *soi*, искупление за другого. «Никогда достаточно» близости – беспокойство этого мира – это пронзительная уникальность субъективности. Между мной и другим складываются отношения родства, братства, но другой остаётся кардинально иным, и благодаря этому (без возможной благодарности со стороны другого) несоответствию и несовпадению завязывается интрига ответственности, субъективности, близости. Близость возможна *несмотря на меня (malgré moi)*, вопреки мне. В моём безвозмездном дарении своей идентичности «сохраняется» моя уникальность. Уникальность без идентичности, без универсального совпадения с самим собой. Как отмечает Э. Левинас, «происходит» открытие пространства как открытие себя без мира, без места; у-топия, не-бытие замурованным, вдохновение до конца, до выдыхания – это и есть близость Другого, которая возможна только как ответственность за другого, осуществлённая субституция в нём. Отношения с ближним включены не в интригу бытия и не-бытия, но в *интригу иначе, чем быть*. Близость, уязвимость и субъективность возможны лишь в контексте *один-для-иного* в его радости, наслаждении, страдании и боли, когда «ответственность за Другого – это более строгое название того, что обычно именуют любовью к ближнему»²¹.

¹⁹ Levinas, op. cit., 276.

²⁰ Ibid., 277.

²¹ Левинас, указ. соч., 356.